

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

Материалы круглого стола

**ЧЕЛОВЕКОЗНА-
НИЕ: ИСТОРИЯ,
ТЕОРИЯ, МЕТОД**

3 марта 2016 года в секторе методологии междисциплинарных исследований человека Института философии РАН состоялось обсуждение коллективной монографии “Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы” [10]. Обсуждаемая тема — сегодня одна из востребованных, поскольку налицо усиление интеграционных тенденций в развитии научного знания, обусловленных как внешними по отношению к науке факторами, так и внутренними императивами. В дискуссии приняли участие представители разных дисциплин. Публикуем некоторые из выступлений: **Андрея Алексеевича Воронина**, доктора философских наук, ведущего научного сотрудника ИФ РАН; **Марины Сергеевны Киселевой**, доктора философских наук, профессора, зав. сектором методологии междисциплинарных исследований человека; **Ларисы Павловны Киященко**, доктора философских наук, ведущего научного сотрудника ИФ РАН. Вел заседание **Борис Григорьевич Юдин**, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник ИФ РАН.

Б.Г. Юдин: Наша сегодняшняя дискуссия за круглым столом посвящена проблемам, которые оживленно обсуждаются в литературе, анализирующей особенности современной науки и ее взаимодействия с обществом. Непосредственный повод нашей встречи — выход в свет книги “Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы”. Эта книга, на мой взгляд, представляет собой наиболее основательное в нашей литературе исследование проблематики трансдисциплинарности. Самим понятием трансдисциплинарности фиксируется прежде всего то обстоятельство, что исследовательская деятельность сегодня все чаще выходит за рамки не только отдельных научных дисциплин (становясь таким образом междисциплинарной), но и науки в целом. Научное исследование выступает при этом в качестве лишь одной из состав-

ляющих, пусть даже наиболее значимой, инновационного процесса.

Наука, как отмечают Хельга Новотны и ее соавторы, «не может больше рассматриваться как некое автономное пространство, четко ограниченное от всего другого — общества, культуры и... экономики. Напротив, все эти сферы стали настолько “внутренне” гетерогенными и “внешне” взаимозависимыми, даже выходящими за собственные пределы, что они перестали быть различными и различимыми (при этом категории “внутреннее” и “внешнее” в какой-то мере утрачивают свой смысл)» [14, р. 1].

Как представляется, в этих словах удачно передан такой важный аспект трансдисциплинарности, как особая, можно сказать, органичная встроенность науки в ткань современного общества. Иногда говорят, что если прежде взаимоотношения науки с общест-

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

вом можно было выразить оборотом “наука и общество”, то сегодня более адекватным стало выражение “наука в обществе”. Нынешний характер этих взаимоотношений таков, что далеко не всегда бывает возможно сколько-нибудь четко выявить и отделить то, что внутренне присуще науке, от того, что располагается вне ее.

В этом контексте вполне резонным представляется вопрос о том, каким образом тема трансдисциплинарности связана с проблематикой, которой занимается журнал “Человек”. На мой взгляд, связь эта достаточно очевидна. В самом деле, человек является объектом изучения самых разных наук — и естественных, и общественных, и гуманитарных. Утверждение, согласно которому проблематика человека носит комплексный и междисциплинарный характер (я не буду здесь вдаваться в анализ того, как соотносятся между собой два этих понятия), в последние десятилетия стало общим местом. Дело, однако, в том, что в современной реальности изучение человека очень часто бывает не самоцелью, а средством для решения задач вполне практических, например, для разработки технологий, призванных так или иначе воздействовать на человека, взаимодействовать с ним, помогать ему и т.п. Х. Новотны и ее соавторы говорят в этой связи о контекстуализации, имея в виду, что знания сегодня вырабатываются в “контексте приложений” [Ibidem]. И очень часто этот контекст приложений центрируется вокруг человека.

Иначе говоря, при более детальном рассмотрении во всех такого рода случаях выясняется, что человек, на которого ориентированы эти технологии, со всеми своими ценностями, мотивами, побуждениями, интересами не помеща-

ется ни в жестких дисциплинарных рамках, ни даже в более широких рамках, задаваемых тем или иным комплексом научных дисциплин. И вот этот зазор между человеком, каким он видится сквозь призму какой-либо научной дисциплины или даже их совокупности, и человеком живым, реальным, не очень-то поддающимся разнообразным классификациям и рубрикам, и пытаются заполнить понятие трансдисциплинарности.

В качестве иллюстрации здесь можно сослаться на развернувшиеся сегодня дискуссии относительно возможностей и пределов применения к человеку технологий редактирования генома [12]. Участники этих дискуссий — далеко не одни только генетики, специалисты в области молекулярной биологии и информатики. Обсуждаемые в ходе дискуссий вопросы выходят за рамки этих естественнонаучных и технических дисциплин, затрагивая будущее, возможно, не такое уж отдаленное, человека и человечества. Очевидно, что речь при этом идет как о значимости получаемых экспериментальных данных и надежности разрабатываемых технологий редактирования генов, так и о тех ценностях, во имя которых будут применяться эти технологии, и о моральных нормах, которыми следует руководствоваться при их разработке и применении.

Обращаясь к проблематике трансдисциплинарности, следует отметить, что один из продуктивных путей ее осмысления — это анализ ее в соотношении с понятием междисциплинарности. Отечественная традиция исследования феномена междисциплинарности восходит ко второй половине 1970-х — 1980-м годам. В это время серьезное внимание исследователей привлекали вопросы взаимодействия общественных, естественных и технических наук;

большую популярность приобрела мысль о том, что наиболее серьезные открытия делаются на стыках наук¹. Очень часто цитировались слова В.И. Вернадского о том, что “в наше время рамки отдельной науки, на которые распадается научное знание, не могут точно определять область научной мысли исследователя, точно охарактеризовать его научную работу. Проблемы, которые его занимают, все чаще не укладываются в рамки отдельной, определенной, сложившейся науки. Мы специализируемся не по наукам, а по проблемам...” [1, с. 118]

Именно в этом контексте объектом пристального интереса стал и такой феномен, как междисциплинарные исследования. И подобно тому, как в наши дни при анализе трансдисциплинарности приходится весьма серьезно и основательно обращаться к теме междисциплинарности, в те годы разработка проблематики междисциплинарных исследований заставила обратиться к вопросу о том, а что такое, вообще говоря, представляет собой научная дисциплина? Наиболее значительными в этом отношении стали публикации М.К. Петрова [8; 7; 9], Э.М. Мирского [5; 4] и А.П. Огурцова [6].

Если попытаться в самой краткой форме подытожить сделанное ими и их коллегами, то следует прежде всего сказать о том, что под научной дисциплиной все они понимали не столько некоторую область исследований, сколько структурную, организационную единицу науки. В частности, А.П. Огурцов показал, что по своему генезису понятие научной дисциплины близко к тому значению термина “дисциплина”, которое имеет в виду следование, подчинение некоему твердо установленному порядку.

В работах Э.М. Мирского была предложена несколько парадок-

сальная, но притом весьма убедительная концепция, в соответствии с которой исследования, выполняемые на переднем крае науки, по своей сути бывают скорее междисциплинарными, чем дисциплинарными. Во всяком случае, для тех, кто непосредственно проводит исследование, его принадлежность к той или иной научной дисциплине отнюдь не является вопросом первостепенной важности. И лишь после того, как исследование привело к получению определенного результата, встает вопрос об оформлении, “упаковке” этого результата, и это оформление производится по канонам дисциплинарно организованного знания. Научная дисциплина, таким образом, — это своего рода социальная матрица, которая обеспечивает трансляцию внутри исследовательского сообщества и сгущение, конденсацию полученных знаний от переднего края исследований. Результат проведенного исследования оформляется сначала в виде статьи, публикуемой в дисциплинарном научном журнале, а затем — через такие стадии, как обзорная статья, обобщающая результаты целой группы близких по тематике исследований, научная

¹ См., напр., [3].

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

монография, охватывающая более обширный массив исследований, доходит до стадии дисциплинарного учебника. С другой стороны, в рамках дисциплинарной структуры происходит продвижение индивида, по мере усвоения этих знаний, от студенческой скамьи до выхода на передний край науки и проведения самостоятельных исследований.

Таков в самом общем виде механизм получения и функционирования знаний в рамках традиционно организованной науки. Одна из ее существенных особенностей состоит в том, что она ориентирована на получение универсально (то есть независимо от контекста) значимых знаний, которые будут справедливы всегда и везде, коль скоро соблюдаются определенные граничные условия.

Здесь, как мы видим, нет никакой необходимости обращаться к понятию трансдисциплинарности. Оно становится важным тогда, когда научные знания функционируют в рамках того комплекса, который нередко называют технаукой и который ориентирован на получение контекстно зависимых знаний, требующихся “здесь и сейчас”. В подобных ситуациях задачи пополнения массивов дисциплинарного знания отступают на второй план, основное же внимание направляется на получение эффективных, безопасных, приемлемых для потребителя технологических решений.

М.С. Киселева: Как я понимаю важность обсуждаемой книги? Во-первых, очевидна ее актуальность: новые развивающиеся направления в науке, как естественной, так и гуманитарной, сегодня разворачиваются именно как междисциплинарные/трансдисциплинарные. Различение и описание того, что происходит на разных “этажах” и “разветвлениях” научного знания — необхо-

димые ориентиры для современного ученого, втянутого или только понимающего необходимость вступить в область междисциплинарных взаимодействий. Во-вторых, книга интересна авторскими методологическими концептуализациями, свидетельствующими о глубокой философской рефлексии современного научного знания, без которой наука не актуализируется культурой. В-третьих, авторы настаивают во многих разделах этого объемного труда на востребованности ценностей научного сообщества — коммуникативности, ответственности, добросовестности, — что составляет необходимый социальный контекст современной меж- и трансдисциплинарности. В-четвертых, авторами по-разному, но настойчиво акцентируется существенная сторона современного научного знания — “трансаспектность” разрабатываемых тем и проблем, поскольку они имеют многоплановую контекстуальность, часто иницируемую интересами заказчика, а потому нельзя обойтись без обсуждения, в том числе и учеными, финансирования междисциплинарных проектов, их экспертного сопровождения и прочих форм социальной поддержки. Наконец, последнее, на что хочу обратить внимание, — на констатацию проективности (в моем понимании, *проективности* — об этом я далее буду говорить) как характеристики нового состояния меж- и трансдисциплинарного научного знания.

Предваряя дальнейшее, определю область наук, в отношении которых я могу, опираясь на собственный опыт научной и образовательной работы, говорить о проблеме меж- и трансдисциплинарного знания. Это — гуманитарные науки: история, филология (включая языкознание и литературоведение) и философия. Замечу, что философия скорее по совет-

Марина
Сергеевна
Киселева

ской традиции, а вообще-то, по недоразумению, оказалась в Российской академии в Отделении не гуманитарных, а общественных наук. Конечно, философы всегда *мыслят гуманитарно* — и тогда, когда имеют в виду естественные, технические или математические науки, как и экономическое, социально-политическое и т.п. знание, — это определено самой природой философии. Обсуждаемая книга в этом смысле представляет собой текст гуманитарного знания и не только по многообразию явленных в ней философско-методологических концептуальных разработок. Однако в ней “собственно” гуманитарным наукам, где бы обсуждались вопросы исторической или филологической дисциплинарности, а также их транс- или междисциплинарных взаимодействий и философского осмысления этих процессов, посвящено совсем немного статей. Из их числа мне показалась интересной работа Григория Гутнера “Трансдисциплинарность как трансдискурсивность” [10, с. 263–280]. Отчасти соглашаясь, отчасти полемизируя с автором, я обозначаю далее существенные проблемные точки в меж- и трансдисциплинарной гуманитаристике.

Различение дисциплинарности и дискурсивности и эвристические возможности этого различения в методологии определено в этой статье, на мой взгляд, верно. Причем это различение характеризует взаимодействия в области не только гуманитарного знания, но распространяется и на другие дисциплины. Не нужно далеко ходить за примерами. Представление ценностных измерений в современных связях биомедицины, технологий и опытов на человеке как трансдисциплинарной биоэтической проблемы, безусловно, — курс. Прежде всего потому, что в нем представлено не предметное

исследование, а выход из исследовательских практик в область меж- и трансдисциплинарных коммуникаций в постановке вопроса о возможностях или невозможностях проведения междисциплинарных опытов на человеке. Пока мы находимся в предметных областях дисциплинарности, которые могут множиться и расширяться, происходит *дисциплинарное исследование*, сохраняются границы дисциплинарно устроенного знания. Хайдеггер замечает, что такого рода научные исследования характерны для Нового времени: “То, что существующее — например, природа, человек, история, язык — выступает как действительное в его предметной противопоставленности и что тем самым наука становится теорией, фиксирующей действительное и устанавливающей его в предметном статусе, для средневекового человека было бы таким же странным, как для греческого мышления — сбивающим с толку” [11]. Этот историзм чрезвычайно ценен для понимания проблемы.

Обращаясь к “Началам геометрии” Гуссерля, Гутнер пишет об истоках конкретных наук как результатах интенциональных актов схватывания идеальной предмет-

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

ности, которая затем в актах сознания реализуется в системах предметностей, оставаясь в пределах смысла, порождающего и подтверждающего многообразие предметных возможностей для актов сознания. Автор отмечает три характеристики дисциплинарности: ее *онтологию* — системную организацию предметностей при их постоянном расширении, в которой представлена действительность; *методологию*, определенную процедурами выстраивания и воспроизводимости предметностей; *социальность* — дисциплинарное сообщество, профессионально и институционально организованное.

По этой же схеме Гутнер строит и междисциплинарность, описывая ее онтологию, методологию и социологию (“междисциплинарную социальность”). Автор считает, что дискурсивность конструирует онтологию, способную уйти от дисциплинарного разделения, при этом он оставляет предметность, которая теперь, как пишет автор, задана “нечетко и с помехами”. Помехи, по его мнению, создают “недискурсивные практики”, которые описываются автором с помощью примеров из истории (реконструкций тоталитарных практик советского периода, религиозных практик при характеристике христианства как религиозного института и т.п.). Дискурсы множественны и отграничены друг от друга, однако причины появления или умножения дискурсивных границ остаются автором не проясненными. К методологии дискурсивности Гутнер относит не демонстрацию воспроизводимости “нечетких” предметностей, а создание проектов. И с этим я соглашусь, однако, с серьезными уточнениями. На мой взгляд, меж- и трансдисциплинарная деятельность ученых действительно проективна, но это не проект, как пи-

шет автор, “с заданной реальностью”. Важно понять, каким образом, откуда и чьими стараниями эта реальность “задается”? Она есть результат неких междисциплинарных дискурсов? Это построенная реальность, образовавшаяся “после метода” (Дж. Ло) в духе современной онтологии конструктивизма (Б. Латур)? Это конвенция исследователей, вызванная практической, “внедискурсивной” задачей? Или?..

Видимо, предполагая эти вопросы, автор прибегает к метафорам, что нормально для дискурсивных описаний. Он строит образ “междисциплинарного исследования”, в котором “пересекаются границы” разных дискурсов; создается общность “территорий”, происходит “ветвление”, “фрагментация”, “спецификация” дискурсов для создания “малых предметностей”; происходит их “столкновение”, благодаря которым решаются задачи этих “малых предметностей”, но в “чужой предметности”; предполагается возможность “предварительного консенсуса” по поводу “предметности” и т.д. и т.п. Думаю, что каждая из этих метафор в той или иной степени узнаваема в дискурсивных работах. Но остаются принципиальные вопросы о “заданности” реальностей и о том, как возможны предметности — не важно, “большие” или “малые” — в междисциплинарном поле.

Ответы на эти вопросы, если я правильно поняла Гутнера, зависят не от дискурсивных удач проектантов, а от тех “моральных обязательств”, которые берут на себя все участники проекта. Таким образом, междисциплинарность, а вслед за ней и трансдисциплинарность, создаваемая “трансдискурсивностью”, дрейфуют от науки к прагматике “внедискурсивных практик”, венаучных организаций, технических и прочих сопро-

вождений, экспертных заключений, финансовых возможностей или интересов заказчика, которые можно предположить, и “указуют” на ту самую объединяющую всех участников реальность, в которой он, заказчик, нуждается. Как же тогда отличить меж- и трансдискурсивность от этих самых “недискурсивных практик”? Как понять, находится ученый в познавательной сфере науки или попал в сервисную сферу заказчика, наука для которого является средством, как сказал бы Кант, но не тем, что позволяет реализовывать познавательные цели? В статье приводятся примеры (case studies) того, какова “тактика” работы в меж- и трансдисциплинарных проектах. Но эти примеры не снимают, а может быть обостряют выше поставленные вопросы.

Обратим внимание, что автор допускает существование некоего “изначального дискурса”, уподобляемого им гуссерлевскому “жизненному миру”, которым обуславливается как дисциплинарность, так и междисциплинарность. В онтологии этого дискурса лежат “те смыслы, которые в потенции могут стать предметностями разных научных дисциплин или иных дискурсов”, причем там же автор говорит о том, что в этом первичном дискурсе содержатся и “прототипы всех предметностей, допускающих математическое представление”, то есть определенные формализованные процедуры всех областей знания (и гуманитарных?). Можно вообразить этот дискурс изначальной трансцендентной силой (“В начале было Слово...”), задающей реальность, которая затем инициирует (дает способность) ее познавать как в дисциплинарных, так и в “междисциплинарных предметностях”. Но поставим все же вопрос о предметности междисциплинарного знания. Принимать ли соображение о динамике

дискурсов в “чужой” и “своей” предметности? Можно ли представлять себе меж- или трансдисциплинарность как своего рода “путешествие” по разным предметностям в “трансдисциплинарных” целях, причем совсем не обязательно познавательных?

Ответы на поставленные вопросы — самостоятельная область методологической работы. В литературе зафиксировано принципиальное различие в проведении дисциплинарных исследований и работы в междисциплинарной области, и эта точка зрения отличается от того, что предлагает Гутнер. Во-первых, исследование всегда предметно-дисциплинарно и “позволяет в предмете представлять факты таким образом, чтобы объект у нас был” (П.В. Малиновский). Эту кантианскую конструкцию легко узнать в работе историка или филолога, которые в своем предметном поле *специальными методами* своих дисциплин формируют ту историю “реальности” или ту “текстуальность”, которая опознается затем как объект проведенного ими исследования.

Я уже приводила пример с “разысканиями” (так назвал свое исследование В.М. Живов) в области истории и предыстории русской культуры. Предметом исследования в его случае были тексты древнерусской книжности, работа с которыми позволила ему расширить дисциплинарное поле новыми “фактами” русской культуры, подтвердившими, что эта культура есть объект, обладающий своей историей. Связь предметности и исследовательской стратегии (разыскание документов, их историографический и текстологический анализ, комментирование, сопоставление текстов и т.д. и т.п.) подержана самой структурой дисциплинарного научного знания (в нашем примере историко-филологического). Таким образом, иссле-

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

дования (“разыскания”) — это дисциплинарное знание. “Междисциплинарное” исследование таит в себе опасности, на этом пути можно “создать” новую предметность, синтезирующую методы и проблемы уже имеющихся предметностей. В этом случае возможна конвергенция научного знания: так возникают новые дисциплины — биохимия, психолингвистика и т.д. Хайдеггер писал об этом процессе так: “Отграничение предметных областей, их оформление в границах специальных отраслей не отрывает науки друг от друга, а впервые только и создает на их границах то сообщение, благодаря которому вырисовываются смежные области. Последним присуща собственная динамика, выдвигающая новые, нередко решающие комплексы проблем. Об этом факте всем известно. Его причина остается загадочной, такой же загадочной, как и в целом сущность современной науки” [там же].

Но, собственно, межтрандисциплинарность, если она не конвергирует в новую предметность, которая затем обрастает новой дисциплинарностью, решает совсем другие задачи в научном знании. Хайдеггер видел во внедисциплинарных процессах, ориентированных не на частичное познание действительного, *тайну*. Стоит об этом подумать.

Очевидно, необходимо искать способ междисциплинарного действия, позволяющего очертить то пространство, которое не будет апроприровано какой-либо дисциплинарностью, а следовательно, будет стремиться представлять не “частичную” действительность, но создаст проективное, некое “брошенное вперед” (пер. с лат. — *proiejectus*) актуализированное пространство гуманитаристики. Возможно, эти способы-действия следовало бы назвать *методами-коммуникациями* как формами

проективной деятельности, создающими *проективную реальность* — сферу взаимодействия для устранения разделенности предметностей, для улавливания, обретения и трансляции *новых* смыслов существования такой реальности, которая определена текстом (дискурсивно выражена). Проективная реальность не есть сумма предметностей, а нечто другое: проекция, соединение, собирание всякой предметности, освобождающей ее тем самым от “частичности”, на задачи, материал, стратегию и методы, которые коммуницируют в осмыслении междисциплинарной проблемы.

Сама междисциплинарная стратегия — процесс не определенный заранее. Он может, как я полагаю, сопровождаться выходами в свою дисциплинарную область и заходами обратно в область междисциплинарную. Безусловно, это — открытая, проективная деятельность, предполагающая не обмен продуктами дисциплинарности, а реализацию деятельностных усилий ученых в междисциплинарном проблемном поле. В современном информационно-коммуникативном пространстве продуктивна работа и отдельной “междисциплинарной головы”, ибо многообразные формы научных коммуникаций доступны и самостоятельно работающему ученому: профессиональные интернет-форумы, научные конференции, семинары, коллоквиумы, фиксируемые в киберпространстве, личные консультации со специалистами по конкретной дисциплинарной проблеме и т.д. и т.п. Так создается подвижная, открытая и готовая изменять свою текстовую конфигурацию “проективная площадка” междисциплинарного гуманитарного знания.

Каково дело философии в этом проективном гуманитарном пространстве меж- и трандисципли-

лиарности? Современное гуманитарное знание можно вообразить в виде пересекающихся эйлеровских кругов, общее пространство которых совмещает три главные области: языковую, историческую и осмысляющую. Познание слов и мыслей, дел и идей человека, объединенных коммуникативными междисциплинарными практиками в некую реальность, можно было бы назвать трансдисциплинарной гуманитарной проективностью.

Мне представляется, что интенцию трансдисциплинарного знания можно почерпнуть в статье М. Хайдеггера “Наука и осмысление”, написанной более 60 лет назад. “Неприметное положение вещей”, писал философ, *таится* в науках, но и “науки покоятся в неприметном положении вещей, как река в своем источнике”. Хайдеггер имел намерение подвести читателя к месту, где “коренится существо науки”. Не будем сейчас вдаваться в подробности комментирования сложных мест хайдеггеровского текста. Скажем то, что, как кажется, ясно: внутри предметной противоположности науки, которая подробно с примерами рассматривается в статье, под различными дисциплинарными структурами представлена действительность. Однако “непредметность” остается скрытой, не дается предметно расчлененному знанию, результатом которого является нам частичная действительность. Хайдеггер пишет о невозможности отправиться “по пути к *достойному* вопрошания”. Мыслитель понимает “*достойное* вопрошания” как осмысление, у которого “другая сущность”, чем у предметно разделенного дисциплинарно оформленного научного знания.

Как представляется, трансдисциплинарность, возможно, является собой начальные шаги на этом пу-

ти. Осмысление, писал Хайдеггер, *впервые* “выводит нас” на путь “к месту нашего пребывания”, определяя его как “место всегда историческое”. Эта историчность не историографического происхождения, но и не несет в себе пренебрежение фактами истории. Насколько я понимаю, “место” это задано человеком, и в этом смысле, оно — гуманитарно. Хайдеггер думает о “предопределенности нашей миссии”, глубоко заходя в истоки греческой философии, ища в ней, в греческом, в латыни, в движении языков и смыслов трансцендирующий характер смотрения на..., знания о..., понимания чего..., веры в кого..., осмысления себя.

Л.П. Киященко: Обсуждаемая коллективная монография не содержит явного обращения к социо-гуманитарной проблематике. Однако при определенном ракурсе ее рассмотрения становится очевидным, что сам характер трансдисциплинарного исследования содержит в себе социо-гуманитарную составляющую, требующую философской рефлексии. Что имеется в виду?

Прежде всего, трансдисциплинарные исследования обычно носят очевидно выраженный проектный характер, когда для решения некоторой жизненно важной проблемы формируется временная рабочая группа, включающая в себя членов из самых разных областей — ученых, политиков, представителей общественности и т.д. В таких условиях и сообществах возникает новая методология, основы которой пытаются выразить, например, авторы “Принципов проектирования трансдисциплинарного исследования” [13]². Методологически, как полагают они, трансдисциплинарные исследования включают в себя три основные стадии:

- Идентификация и структурирование проблем;

² Информацию о книге см.: <http://www.transdisciplinarity.ch>.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Лариса Павловна
Киященко

- Анализ проблем;
- Получение практических результатов.

Указанные стадии не только организованы в линейной последовательности, но и предполагают сетевые взаимосвязи. Например, получение первоначальных практических реализаций может повлиять на процедуры идентификации и дальнейшего структурирования проблем.

Каждая стадия предполагает свою более детальную методологию. Скажем, авторы предъявляют следующие требования к трансдисциплинарным исследованиям на этапе анализа проблем:

- Участники проекта должны прийти к соглашению, понимая сложность поставленных перед ними проблем;
- В то же время необходимо принять во внимание основные различия и особенности исследуемой проблематики;
- В итоге участники должны развить конкретное и практическое знание, которое может быть передано другим;
- Ориентироваться в решении проблем следует на общее благо.

Авторы выделяют четыре основных принципа трансдисциплинарных исследований:

- Упрощение сложного с учетом вида знания и участников проекта;
- Достижение эффективности через контекстуализацию — соотнесение с конкретными социальными практиками и их результатами, ориентация на подобные исследования в других проектах и т.д.;
- Интеграция через открытую состязательность и плюрализм;
- Развитие рефлексивности через рекурсивность — трансдисциплинарное исследование организуется циклически, в форме многократных предметных дискурсов, что позволяет корректировать принципы исследования.

В конце своей работы авторы приводят различные определения трансдисциплинарности, в основе которых лежат следующие характеристики:

- трансцендирование и интеграция дисциплинарных парадигм;
- проведение исследований с привлечением представителей заинтересованных сторон;
- направленность на решение проблем жизненного мира;
- поиск единства знания за границами научных дисциплин³.

Такого рода подход имеет свою историю. Начиная с 1960-х годов, трансдисциплинарный подход (и у нас в стране, и за рубежом) формируется как реакция на кризис классической методологии науки. Отечественный подход опирается на разработки в области синергетики, теории сложности, конвергенции методологий научного познания гуманитарных и социальных наук. Западные ученые достигли значительных успехов в создании трансдисциплинарных образовательных программ, в анализе прикладных задач и кейсов.

Обобщая сделанное, выделим некоторые характерные черты трансдисциплинарного подхода:

- Акцент на решении реальных проблем жизненного мира (эколо-

³ Подробнее об этом см. [2].

гия, здоровье, образование, нормотворчество, общественная безопасность и др.) с учетом нередуцируемой сложности взаимоотношений социогуманитарного и естественнонаучного знаний. Последнее обстоятельство в свою очередь ведет к переосмыслению этоса упомянутых сфер знаний. Прежде всего это касается изменений в научной политике, традиционно ориентированной на сциентизм и исключительно объективные параметры знания и игнорировавшей роль и место субъекта;

- Поиск и ориентация на конвергенцию социокультурного, нормативно-ценностного и познавательного методологического инструментария;

- Усиление внимания к роли человека (во всей полноте его социально-культурных атрибутов) в продуцировании и практическом применении знания.

Остановимся подробнее на последнем положении. Трансдисциплинарный подход к экзистенциальным проблемам не претендует на статус единственно верного и универсального способа их решения. Одним из основополагающих принципов данного подхода является умение видеть в конкретных, животрепещущих проблемах всеобщее в сочетании с особенным. Последнее дается через особый настрой удерживать в себе амбивалентность: живого, заинтересованного участия в решаемой проблеме и способность занять метапозицию по отношению к ней. Осознанное отношение к решению актуального противоречия требует мужества и ответственности у действующего лица, способности к осознанию упомянутой диспозиции.

Сложность экзистенциальных проблем (например, биоэтических, экологических или энергетических) такова, что ни одно из дис-

циплинарных обоснований при всей необходимости не может претендовать на достаточность. Здесь истина сталкивается с истинной, благо с благом, правда с правдой, вызывая апорию разума, генерирующую пара-доксальный импульс поиска основания, но уже в сфере трансдисциплинарных коммуникаций жизненного мира — в сфере общезначимого. Общезначимость выражает социальную конвенцию и опирается на объективное содержание совместного действия. Всеобщему в данной ситуации отводится роль идеального содержания, которое адресуется каждому человеку.

Только обозначенная выше позиция “повседневность — рефлексия” превращает некое событие в предмет трансдисциплинарного исследования.

Трансдисциплинарность принадлежит к тем современным направлениям научного исследования, в которых “отчетливо выражен философский элемент внутри наук” (Ю. Хабермас). Эта интенция проявляет себя двойственно. С одной стороны, философская оптика ориентирована на прояснение всеобщих оснований опыта трансдисциплинарности и явлений окружающего мира. С другой — она призвана увязать, собрать в единое целое конкретику сложного многообразия дисциплинарных областей.

В данной связи важно понимание трансдисциплинарного исследования как проектной деятельности:

- Проект — это нелинейный процесс исследования с непредсказуемым результатом, что требует постоянной коррекции первоначального импульса, как элемента методологической программы (деятельностный аспект);

- Концентрация усилий на вновь открывшихся “непредусмотренных” ранее возможностях и

направлениях (экзистенциальный аспект);

- Постоянная межинтервальная рефлексия того, что было — что есть — и что будет с учетом внешней критики (рефлексивный аспект).

А.А. Воронин: Трансдисциплинарность как методологический проект исторически обусловлена. Чтобы понять, какие изменения ждут нас в самом недалеком будущем, воспользуемся лаконичной схемой, намеченной уже в основных чертах философами и историками техники (О. Тоффлер, Л. Мамфорд, А. Митчем и др.). Небуквальное воспроизведение их рассуждений может выглядеть так. Нам известны четыре крупные исторические хозяйственно-культурные эпохи, в основу каждой из которых были заложены типы преобразовательной деятельности человека. Одна следует за другой и несет в себе целостную, но не исчезающую при последующем движении конфигурацию. Просто следующие эпохи надстраиваются над предыдущими, включая их в целостность нового, более высокого порядка.

Исторически первая социально-культурно-экономическая формация выросла из преобразований веществ природы, или просто вещества, как общей категории предмета, на который направлена деятельность человека. Обработка исходного природного материала позволила создать могущественные империи, отстроить огромные и прекрасные города, выплавить из руды металлические орудия, создать музыкальные инструменты и культивировать утонченное искусство. Социальные организмы росли в полном соответствии с природными установлениями. Производственной ячейкой общества были сперва сельские поселения, с неолитическими порядками и культурой, за-

тем она — уже они, во множественном числе и качестве, — переместились в города, образовав цеха, рынки и законы. Наука пришла к выводу, что в мире действуют причинно-следственные связи, что они образуют незабываемый порядок мироздания, и человек должен безропотно следовать Пути, Судьбе, Року или Закону, поскольку свет разума открывает ему путь успешного покорения природных стихий. Человек создал на этой основе великую культуру, а великая культура породила, в свою очередь, великих людей, творящих величественные шедевры во всех областях жизни. Это была эпоха экспансии человека в круг реальной, зримой природы, простиравшей свои границы вплоть до антропной, чувственной данности. *Esse est percipi* — граница мира лежала на границе чувственного восприятия. Не случайно телескоп стал символом грядущей опасности, а его изобретатель — агентом враждебного будущего, выводящего познание и деятельность человека за границы простого чувственного восприятия. Церковь — очень чувствительный механизм фильтрации опасных нововведений, и она предлагала свои пути мироустройства. Но и она не смогла противостоять мощному движению, которое сегодня принято называть проектом Модерна. Почему проектом, кто его проектировал — уже не совсем понятно, но дело не в словах, а в фундаментальных качествах мира, кристаллизирующихся во круг манипуляций человека вещами природы. Характерно, что алхимия была одним из первых систематических способов превращать одни вещества в другие, и только изменение парадигмальных установок выдавило души элементов из реторт в стихии, и превратило алхимию в химию.

Андрей
Александрович
Воронин

Следующая общественно-экономическая формация основана на покорении Энергии. Термин общественно-экономическая формация я употребляю не в смысле противопоставления “базиса” “надстройке”, а в смысле их динамичного единства, где одно без другого невозможно — культура есть исток и результат бытия, а производство — исток и результат культуры. Вот как раз единство этих “противоположностей” и делает возможным рывок от манипуляций веществом к овладению тайнами производства, хранения и использования энергии. Эти тайны обретаются далеко за пределами простого чувственного восприятия, они скрываются равно как в цифрах, формулах и расчетах, так и в природных источниках, в которых за “видимостью” были открыты “сущности”. Ветер, вода, мускульная сила и механизмы, их использующие, были известны еще на первых порах технических устройств. Но сила пара, электрические цепи, радиосвязь, телефон, динамит и мощная артиллерия, и вообще оружие, способное погубить все живое на земле, — это невиданные возможности, представляемые послушной энергией в руках человека, руки которого перестали быть главным орудием производства. Им стала “голова”, то есть наука и основанная на науке техника. Именно эта “сладкая парочка” перекроила на свой манер и лад весь мир, который был таким “милым и уютным” до торжества индустрии и мегаполисов. Она же привела к гегемонии технократизма, дегуманизации, выбиванию из “проекта модерна” естественного света разума, единства истины, добра и красоты и прочих мерехлюндий. Итогом стали мировые войны и исчерпание прямолинейной веры в прогресс, модерн и всеисилие человека. В науке произошли сдвиги к неклассическим

парадигмам в физике, логике и философии. В культуре это время называют декадансом. В идеологии это время расцвета неоконсерватизма.

Вчерашняя и отчасти сегодняшняя эпоха — время преобразований Информации. Характерно, что для нее нет до сих пор бесспорного определения, хотя она и лежит в основе производств, профессий, образов жизни, войны, развлечений, коммуникаций, образования, и говорят, что даже искусства (которому также уже нет общепринятого определения). Информация подчиняется не детерминистским законам, как вещество и энергия, описанием информационных событий становятся вероятностные и синергетические методы, строгость которых сравнима разве что с их неопределенностью. Не случайно понятийная неразбериха, нелогичная “логика” жизни, неотличимость информационного мусора от информационных сокровищ, отсутствие общих правил и законов, хаотизация обществ и упадок институтов, и многое другое из этой же колоды, — обобщаются в слове постмодер-

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

низм. Идеологическая невнятица, употребление в пищу жизни ранее совершенно несъедобных материалов, деградация нормативной и ценностной регуляции — всего и не перечислить — возможно, связаны именно всеядными смыслами информации как носителя чего угодно, и это все что угодно परिवаривается культурой как питательная среда, заполняет органы и части духовного производства, и в качестве продукта жизнедеятельности, простите за выражение, выделяет высоты и низменности “современного искусства”. Постмодернизм — это апофатическое определение, в этом его удобство — оно ничего никому не навязывает. И в этом же его принципиальная порочность — оно бессодержательно, оно даже границ своих не определяет и не обороняет. Понятное дело, такая идеология носит сугубо временный характер. Непонятно, что придет ей на смену, какие интеллектуальные ресурсы могут быть мобилизованы для позитивных “проектов”.

Предсказания, да еще основанные на детерминистских подходах, дело очень сложное, но в пределах предыдущих эпох они были, по крайней мере, теоретически возможны — поскольку напрямую были связаны с возможностями и пределами своих оснований. Жилище невозможно построить из воздуха, оружие имело ограниченное пространство использования, ремесла жестко были связаны со свойствами материалов и т.д. То же самое с энергией — невозможно получить бесконечно возобновляемые источники энергии, свойства энергоносителей накрепко связаны с природным субстратом. Даже в случае с информацией, куда более сложной и непредсказуемой основой технических манипуляций: какие-то рамки угадываются — это коммуникативные по-

требности и возможности людей и их сообществ. Но когда мы стоим на пороге следующего этапа, а может быть, вернее сказать — эпохи, моделирования мышления, то здесь таких пределов не видно.

Нейронаука и нейротехнология — как говаривал в свое время К. Маркс про коммунизм: “это не будущее состояние общества, а реальный исторический процесс”. Неважно, что пока делаются только первые шаги в овладении тайнами мышления, работы мозга, создании аналогичных человеку технических устройств. Важно то, что уже есть площадка на которую уже поставило ножку “общество знания”, что уже произошли существенные сдвиги, как в проблемном поле, так и в организационном строении институций, имеющих дело с практически непредсказуемым предметом воздействия — мозгом⁴. То есть будущее уже наступило, но мы пока не можем про него сказать, как оно устроено, какими силами управляется и какими последствиями манит. А главное — грозит. Ясно, что это будущее потребует от человека и от общества (или сообщества, если говорить приземленнее) совершенно нового уровня самоорганизации, новых позитивных программ, новых оснований солидарности и согласия. Потребуется не столько защита человеческой природы от бесконтрольного “совершенствования”, сколько высвечивание пределов, в которых допустимы и желательны интервенции в биологическую и личностную жизнь человека. И видимо, появятся новые ментальные средства для описания и объяснения работы нейронной субстанции, новые приборы и новые принципы, на которых будут действовать эти приборы. Квантовые компьютеры, биороботы, наномашинны, геновые технологии могут существенно изменить сегодняшние представле-

⁴ Последние результаты в исследовании мозга обобщены в материале: Лабиринты сознания, кладовые памяти. Интервью с чл.-кор. РАН К. Анохиным // Человек. 2014. № 2, 4. — Примеч. ред.

ния о методах науки и технологий. Поскольку в саму ткань и предмета, и метода науки включены нормативные элементы — напомним, речь ведь идет о манипулировании человеческим организмом, — потребуется новый остов нормативного мышления. Ценностные доминанты, придающие смысл всему дереву нормативности, должны будут, по всей вероятности, ориентированы на новые интерпретации базовых структур человеческого бытия. Разумеется, дисциплинарная организация науки претерпит существенные реорганизации, и трансдисциплинарность займет видное место в составе научного знания.

Мне хочется предложить термин “постконсерватизм” для идеологической доктрины, вероятной, востребованной и оправданной грядущими колоссальными рисками и перспективами, в которой будет разработан позитивный кодекс возможного и невозможного в имитации человека, его природы и его самости. Не звать назад к традициям, не ограждать человека от нового, а предлагать просторы для нововведений, опоясанные гуманизмом и безопасностью человеческого рода — вот как мне видится его самый общий абрис.

Литература

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. С. 118.

2. Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. М.: ИФРАН, 2009.

3. Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук / Под

ред. Б.М. Кедрова, П.В. Смирнова, Б.Г. Юдина. М.: Наука, 1981.

4. Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980.

5. Научная деятельность. Структура и институты / Под ред. Э.М. Мирского, Б.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1980.

6. Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обособление. М.: Наука, 1988.

7. Петров М.К. Когнитивно-лингвистические аспекты дисциплинарной организации научной деятельности // Дисциплинарность и взаимодействие наук. М.: Наука, 1986.

8. Петров М.К. Природа и функции процессов дифференциации и интеграции в научном познании // Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. М.: Наука, 1981.

9. Петров М.К. Социально-культурные основания развития современной науки. М.: Наука, 1992.

10. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. В.А. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Издательский дом “Навигатор”, 2015.

11. Хайдеггер М. Наука и осмысление. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Nauka.php.

12. Юдин Б.Г. Редактирование человека // Человек. 2016. № 3. С. 5–19.

13. Pohl C., Hadorn G. Principles for Designing Transdisciplinary Research. Seiten, München, 2007.

14. Nowotny H., Scott P., Gibbons M. Re-Thinking Science. Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty / PolityPress, 2001. P. 1.

(Продолжение в следующем номере)